

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ ИИСУСА	7
От автора	9
Иисус Текста и проблема интерпретации	11
Противоположное направление, текстология	15
Иисус и Его собеседники	17
О «еврейском мире» I века	21
Образование	39
Первое отступление: о библеистике	53
Языковая ситуация в земле Израиля в I веке и язык/языки Иисуса	54
Цитата как аргумент	63
Второе отступление: изобретение письма	69
Кто откликнулся на проповедь Иисуса?	71
Байт — школа	76
Школа Иисуса	81
Полемика, споры, распри	85
Некоторые провокационные и шокирующие утверждения и дела Иисуса	94
Некоторые этические наставления законоучителей эпохи конца Второго Храма	100
Иисус и два главных принципа иудаизма	101
Крещение Иоанново и «наследственная» святость	104
Третье отступление: о библеисте	105
Иисус и фарисеи	107
Школа и миссия	115
Внутри школы	119
Парадоксальные превращения	129

Образ учителя	132
«Многие» и «малые сии».....	139
Четвертое отступление: вместо заключения... ..	141
ВЕТХИЙ В НОВОМ	145
Голоса свидетелей.....	147
Ветхий в Новом.....	171
Ветхозаветные прообразы Евхаристии	185
I. Библейские данные.....	186
II. Внебиблейские данные.....	191
Шестоднев в контексте Священного Писания....	197
Древнееврейский глагол бара «сотворил»: опыт богословской интерпретации	225
Библейский взгляд на причины болезней и исцеление: Ветхий Завет и Новый.....	235
Крик Давида	242

ДОМ
ИИСУСА

ОТ АВТОРА

Слово «дом» имеет множество коннотаций. Вероятно, это справедливо для большинства языков. Однако у ивритского **байт** есть своя «национальная» специфика. Это не только «строение» и не только «народ, род, клан, семья». **Байт** — также и «Храм, дом Бога нашего». И, наконец, есть еще одно особое значение — «школа».

Именно это последнее значение стало определяющим для вынесения слова *дом* в заглавие книги. Иисус именуется Учителем, Наставником, Рабби. Его последователи — ученики. Попытаемся заглянуть в Дом, то есть в Школу Иисуса. И здесь встает множество вопросов. Что такое школа? Каков характер обучения? На чем оно базируется? Что отличает одну школу от другой? Можно ли говорить об общих характеристиках? Есть ли взаимодействие между школами? Кто такие учителя? Кто такие ученики? Каковы отношения в «классе» и отношение к учителю? Методы? Пособия? Порядки? Критерии оценки? И т. д. и т. п.

Возможно, разочарую читателя: касаясь этих и других вопросов, я не тороплюсь с выводами и не пытаюсь формулировать ответы. Эта книга не претендует ни на систематичность, ни на всеохватность изложения. Читатель не найдет исчерпывающего представления (если таковое вообще возможно) об учении и миссии Иисуса. В поле зрения попадают

лишь те евангельские события и слова, которые удастся соотнести с тем, что обсуждалось и переживалось современниками Иисуса.

Перед читателем интервью, которое часто сбивается на монолог. Это «разговор о...». Я преследовал очень скромную задачу: мне хотелось, насколько возможно, «оживить» некоторые из евангельских тем. Постараться расслышать и взглянуть на них изнутри той далекой эпохи.

Совершенно очевидно, что этот разговор не имеет конца. Сложно поставить точку. Большой важной теме, которую я почти не затрагиваю в этом издании, — притчам Иисуса — я надеюсь посвятить свою следующую книгу.

*Брюссель
январь 2022 г.*

— В своем вступлении к книге Романа Гуардини «Господь» вы говорите: «За минувшие три века критических исследований¹ Иисус успел побывать и галилейским рабби, и выдающимся наставником новой морали, и реформатором протестантского типа, и харизматиком, уверовавшим в свое божественное призвание, и героическим сверхчеловеком ницшеанского толка. Его сближали то с современными Ему фарисеями, ессеями, киниками, а то с современными нам революционерами или с философами-экзистенциалистами». Чему нас учит эта история?

¹ Первая книга, посвященная обзору различных представлений о личности и учении Иисуса, принадлежит А. Швейцеру. Вышедшая в 1906 г. на немецком языке, она была переиздана в 1910-м по-английски с несколько измененным названием «Поиски исторического Иисуса: критическое исследование их развития от Реймаруса до Вреде». Но это было только начало — только «Первый поиск», охватывающий период от 1778 г., когда появилась анонимная статья (позднее было доказано, что она принадлежит гамбургскому ученому Герману Реймарусу), озаглавленная «О намерении Иисуса и Его учеников», и до работы А. Швейцера. За ним последовал «Новый поиск», где доминировали идеи Рудольфа Бульгмана, нашедшие отражение в работе Джеймса М. Робинсона «Новый поиск исторического Иисуса». Наконец, начиная с конца 1970-х гг. в исследовании жизни и роли Иисуса наметились современные (социологические, политические, религиозные, этнокультурные и т. п.) подходы, за которыми закрепилось название «Третий поиск».

— Чему учит? Можно было бы сказать, что каждое время смотрится в Него, как в зеркало. Каждая эпоха видит в Евангелии отражение собственных устремлений и проблем. И не только эпоха. Нас формируют наше образование, приоритеты, базовое мировоззрение... Для протестанта Христос — протестант, для революционера — революционер, для либерального израильского ученого — либеральный раввин-реформатор и т. п.

За последнюю сотню лет Христос был арийцем (Хьюстон Стюарт Чемберлен) и представителем черной расы (Мартин Лютер Кинг). Эти примеры можно было бы не упоминать, если бы они оставались достоянием своих авторов. Но они имели широкий резонанс, и под знаменем «новых» христов формировались новые идеи и идеологии. И во имя этих идей и под гнетом этих идей гибли люди.

Каждое новое поколение — Ренан, Толстой, Швейцер, Бульгман... — берется за перо, чтобы рассказать о реальном историческом Иисусе, а рассказывает о себе и своем современнике. Есть Текст, и есть современность. Есть Текст, и есть огромный культурный пласт: наш опыт, наши навыки, наши обычаи. Есть Текст, который говорит о чем-то далеком и не всегда понятном. И есть наши родные дома, города и привычки. Есть улицы, по которым мы ходим каждый день. И мы видим: происходит то, что произошло в искусстве Ренессанса. Иисус появляется на улицах Флоренции. Или празднует галилейскую свадьбу за одним столом с венецианским дожем. Мы снисходительно улыбаемся... И «усаживаем» Его в категории нашего мышления и нашей культуры. И это неизбежно. По крайней

мере до тех пор, пока мы не встретим Его Самого. Весь вопрос в том, насколько мы отдаем себе в этом отчет.

На одной части христианского мира Христос «обживает» мир, увиденный глазами художников Возрождения, полный ренессансной радости и любви к природе, к натуре (здесь найдется место и для кошечек, и для собачек). Но другая часть христианского мира продолжает видеть во Христе икону, где даже земная история становится достоянием вечности. С одной стороны, Христос расхаживает по средневековым улицам. С другой — Он на золотом фоне надмирной славы и незыблемой догматики.

В конце концов приходит век просвещенного рационализма и говорит: не то и не другое! Мы хотим отыскать «настоящего», исторического Христа. Того Христа, Который ходил по берегу Тивериадского моря. Который, утомившись, сел у колодца в Сихеме. Который плакал над Лазарем. Не икона и не картина, мы хотим разглядеть Иисуса Текста. То, каким Он сходит со страниц Евангелия. Каким Он предстанет в источниках.

И что происходит — начинается «демонтаж» Текста. Эти слова не могут принадлежать историческому Иисусу — мы их вычеркиваем. Здесь, очевидно, напластование более поздней апостольской традиции — опять вычеркиваем. И так далее. А что остается? А остается именно то, что соответствует нашему представлению. То, что хотелось увидеть. Опять — зеркало.

— А разве невозможно работать с Текстом по-другому?

— Это не простой вопрос. Над нами тяготеет наша этно-культурно-лингвистическая модель. Мы заложники своего воспитания. Так называемый «поиск исторического Иисуса» зародился в протестантской стране, где Писание противопоставлено Преданию. И действует принцип — *sola scriptura*, то есть только Писанием определяются «абсолютные правила и стандарты», а Предание — это та или иная форма рецепции священного Текста. Предание в протестантизме — вторичное напластование, часто затеняющее и деформирующее изначальное боговдохновенное Писание.

Но в какой-то момент становится заметным, что и в самом Писании (то есть в евангельских текстах) содержатся элементы раннего апостольского предания. И тут же срабатывает привычный механизм: очистим Писание от предания (даже если это предание записано в самом Писании). И в итоге за бортом оказывается важнейший пласт — то, что нам общают ученики о своем Учителе.

Мы хотим быть объективными и рассудительными. Тогда зачем из зала суда изгонять свидетелей? Они записали то, что «слышали и видели своими очами»², то, «что осязали руками» (1 Ин. 1: 1). Но все их замечания, все то, что им представлялось важным, то, как они — ближайšie последователи и «свидетели» Иисуса — понимали и интерпретировали жизнь Учителя, выносятся за скобки. Это позднее наслоение, и его надо «соскоблить». И что

² Здесь и далее библейские цитаты, отступающие от Синодального перевода, приводятся в кавычках. Цитаты, точно соответствующие Синодальному переводу, набраны курсивом и без кавычек.

остается? А остается то, что соответствует нашему представлению об Иисусе. Иными словами, мы опять нашли то, что искали, — свое отражение.

— Рудольф Бультман говорил, чтобы приблизиться к пониманию Иисуса, Его надо демифологизировать, — это требование добросовестного разума. Но вы, как мне представляется, пытаетесь демифологизировать Бультмана?

— Это иллюзия, что Бультман приближает нас к пониманию евангельского времени. Скорее дело обстоит наоборот. Евангельская и раннехристианская история «втискивается» в то, что ей не принадлежит. И под натиском «метода критики форм» реальность начинает трещать, как яичная скорлупа. Попробуйте взглянуть на Рудольфа Бультмана из Сионской горницы — он покажется инопланетянином.

— Вы хотите сказать, что в будущем будут «снисходительно улыбаться» современной новозаветной критике, подобно тому, как мы сегодня улыбаемся, разглядывая религиозную живопись Ренессанса?

— Что, впрочем, не мешает любоваться мастерством художника!

Но вот что мне кажется важным. В европейской науке было другое, прямо противоположное направление. И за ним стоит многовековой опыт. Огромная работа, направленная на самое бережное и тщательное сохранение традиции. Это то, что реализуется в текстологии и издании текстов, где учтены и зафиксированы все дошедшие до нас версии чтений. Такой подход восходит к Оригену: не желая

Противоположное направление, текстология

вторгаться и исправлять существующий греческий текст Септуагинты³, он помечает те места, которые могли бы быть откорректированы по другим версиям. Расслышать и сохранить каждое слово!

Современные критические издания включают все известные рукописи Евангелий. Труд десятков поколений книжников и тысячи безымянных писцов. Все собрано здесь. Каждый знак — и не важно, верный он или неверный, — каждая буква, которая вышла из-под их пера, учтена и занесена в издание. Если, конечно, рукопись не пропала. Не была уничтожена варварами или временем. Но даже палимпсесты — рукописи, текст которых был смыт и записан, — удалось прочитать.

Рукописная традиция обеспечивалась работой переписчиков школьных, монастырских и дворцовых скрипториев. Сколько людей трудилось на протяжении пятнадцати веков, что сегодня по разным библиотекам и частным коллекциям во всем мире мы имеем более пяти тысяч рукописей Нового Завета! И это лишь то, что дошло до нашего времени. Чтобы победить время, войны, пожары, потребовалась целая армия писцов. И есть нечто промыслительное в том, что ко времени падения Византии (1453) Иоганн Гутенберг изобретает печатный станок и работает над созданием первой печатной Библии⁴. На смену рукописной традиции приходит

³ Септуагинта, или «перевод Семидесяти», — переданный по-гречески древнееврейский текст Ветхого Завета, а также книги, написанные по-гречески изначально (например, Маккавейские).

⁴ «42-строчная Библия», или «Библия Мазарини», была издана не позднее 1455 г.

типографская. Появление печатного станка ставит вопрос об эталонной рукописи, зарождается текстология, основанная на критическом сравнении, описании и оценке дошедших до нас рукописных текстов. Критическое издание, осуществленное самыми современными методами, — это всегда достижение и торжество традиции. Сюда же можно отнести работу лексикографов, составителей словарей, особенно тематических. Если словарь можно сравнить с музеем, то каждая словарная статья — витрина, где под стеклом заботливой рукой собраны все смысловые оттенки, которыми слово окрашено в разных контекстах. Открыть словарь и бродить по залам его музея, часами склоняясь над витриной, — это достояние европейской культуры, то, что роднит ее с древними книжниками. То, что продолжает жить вопреки всем революциям. За каждым словарем и изданием текста стоит огромный труд. Я на стороне тех, кто старался сохранить слово, а не подменить его своим. И я убежден, что только это «противоположное направление» способно приблизить нас к живому слову Иисуса.

— Читая Евангелие, мы видим, что даже собеседники, то есть современники Иисуса, не всегда понимают, о чем Он говорит. Это к вопросу о живом слове. Каковы в таком случае наши шансы?

— Действительно, Его слова часто не укладываются в голове. Он обращается к иудеям: *слово Мое не вмещается в вас* (Ин. 8: 37). В ответ они возмущаются: *Он безумствует!* (Ин. 10: 20). Не только оппоненты Иисуса, но и *многие из учеников Его... говорили: какие странные слова! кто может это слушать!* (Ин. 6:

Иисус и Его
собеседники

60). То, что Он говорит, вызывает удивление толпы: Он учит не как книжники и фарисеи (Мф. 7: 29); никогда человек не говорил так, как Этот Человек (Ин. 7: 46). И даже из уст тех, кого Он избрал и приблизил к Себе, часто вырываются слова недоумения (см. Лк. 18: 34; Мф. 19: 27 и др.).

Причина непонимания: *Вы от нижних, а Я от вышних* (Ин. 8: 23). Иисус возвещает слово, пришедшее свыше: *Я передал им слово Твое* (Ин. 17: 14) — обращается Он к Своему Отцу. Но при этом, проповедуя по еврейским городам и весям и общаясь со «многими толпами», Он говорит на языке, понятном для этих толп. На языке окружающих его людей. Более того, очень часто Его Божественное слово является ответом на сугубо человеческие нужды. Он отвечает на просьбы и вопросы, которыми озадачены Его современники, люди из толпы. *Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* (Лк. 18: 18) — звучит крайне редко, обычно слово, пришедшее свыше, откликается на повседневные и вполне обыденные житейские ситуации.

Христианское богословие строится на новозаветном откровении, на Евангелии. Но само Евангелие очень мало походит на богословский трактат. Евангельская история — это череда коротких рассказов о встречах Иисуса с разными людьми. И все, что мы знаем о Нем, мы знаем благодаря этим встречам. Благодаря этим людям. В конце появляются сильные мира сего — царь, первосвященник, римский наместник. Но, как правило, Иисус изображается в окружении простых людей — «народа земли». Нередко это люди с различными увечьями — слепые, немые, разбитые параличом, покрытые проказой,

помраченные злым духом, кровоточивые, скрюченные, хромые, сухорукие.

Родители ведут к Нему своих больных детей. Товарищи несут своего парализованного друга. Но здесь мы увидим и членов синедриона, и начальников синагоги, и римских воинов. В Евангелиях упоминаются представители самых разных слоев общества и профессий: книжники, законники, священники, фарисеи, саддукеи, иродиане, старейшины, а также рыбаки, торговцы, сборщики подати, блудницы... Приходят не только коренные жители Иудеи, но и эллины (паломники из грекоязычной диаспоры), и даже язычники. К Нему приносят детей, к Нему обращаются юноши, мужи, жены, вдовы и старики. И если сегодня, читая Евангелие, мы видим и слышим Иисуса, то лишь потому, что некогда они видели и слышали Его своими глазами и ушами.

Его образ, то, что мы знаем об Иисусе, складывается из взаимных коротких слов и реакций. И чем больше «глаз и ушей», чем больше ракурсов из различных социальных слоев и общественных групп, тем отчетливее мы видим Его черты.

Иисусу задают вопросы о вечной жизни, о законах Торы, об обычаях, о различиях в верованиях, о практике молитвы и поста. К Нему приходят с просьбой разделить имение. Его пытаются поймать на слове, обличить в несоответствии древним Писаниям, в отказе признавать предания отцов. Но чаще всего и громче всего звучит просьба о помощи, об исцелении, о чуде: «помилуй», «сжался», «помоги»!

И всякий раз слова Иисуса обращены к конкретному человеку. *Иисус же, обратившись и увидев*

ее, сказал... (Мф. 9: 22). *Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал...* (Мк. 10: 21). *Иисус, остановившись... спросил его...* (Лк. 18: 40). Нет никакого «человека вообще». Есть лишь живой собеседник со своим днем рождения, именем, родственными связями, со своим воспитанием и образованием, судьбой, мечтами, надеждами, страхами, радостями, ошибками, достижениями, со своими молитвами или... отсутствием таковых.

И когда Иисус вступает в общение с человеком, Его слово, которое происходит из сокровенных недр Божественного Духа, обращено к одному из «малых сих», чье имя записано на небесах (даже если оно и не названо в тексте Евангелия), и является ответом на его переживание, боль, надежду или отчаяние. И для того, чтобы лучше понять слова *Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога* (Ин. 8: 40), необходимо расслышать и понять Его собеседника. Нам надо как можно ближе подойти к человеку. К тому, на чью долю выпало слышать Его слово.

Нет откровения самого по себе. Нет никакого богооткровения вне богообщения. Откровение — не только откровение о Ком-то, но всегда кому-то и для кого-то. И чем ближе мы сможем подойти к этим людям, чем вернее мы сможем разглядеть обстоятельства их жизни, умонастроения, переживания, их манеру общаться и т. п., тем точнее и живее предстанет перед нами слово Божественного откровения. Так устроено Евангелие, что расслышать вечное и универсальное можно, лишь приблизившись вплотную к прокаженному, к слепому, к мытарю, к грешнице... Но также и к оппонентам — к фарисею, саддукею, законнику.

— Одна из ваших книг озаглавлена «Археология текста». Скажите, я правильно понимаю, что для вас определяющим является погружение в эпоху?

— Да, пожалуй, это так. Мне представляется, важно услышать слова Иисуса в современном Ему историческом контексте. Изнутри!

— Думаю, что многие не согласятся с вами. Не важнее ли услышать эти слова в контексте современной повести? Понять, каким образом они способны направлять нас сегодня?

— Конечно, одним важнее одно, а другим — другое. А кому-то — и то, и другое. Возможно, «важно» — не совсем подходящее слово. Скажу иначе: любые попытки исторических реконструкций мне представляются интересными и немаловажными. *Рабби, где Ты живешь?* — это самые первые слова, с которыми обращаются ученики к Иисусу, и Он отвечает: *пойдите и увидите* (Ин. 1: 38–39).

Мы можем попытаться разглядеть Иисуса и Его современников, но не раньше, чем увидим картину еврейской жизни I века. Сделать это сегодня не просто. Картина дошла до нас в очень плохом состоянии. С большими утратами, с записанными и переписанными местами. Краски выцвели, и оригинальные тона потускнели. Но от того, насколько полно и аутентично мы сможем восстановить ее изначальный вид, зависит, насколько точным будет наше представление об Иисусе.

Реставрация этой картины — дело непростое. В полной мере она вряд ли достижима. Будет честнее сказать, что эта задача заведомо обречена на неудачу. В лучшем случае — на мозаичность

О «еврейском мире» I века

и фрагментарность. И для этого есть целый ряд причин.

Во-первых, после Иудейской войны (66–73 годы), обернувшейся разрушением Храма, Города и государственности, а также двух последующих (войны Квие-та 115–117 годов, восстание Бар-Кохбы 132–135 годов), которые пресекли все попытки, направленные на восстановление независимости в Иудее, безвозвратно исчезли многие институты, социальные и религиозно-политические группы, определявшие жизнь и устроение эпохи конца Второго Храма. Сама Иудея в пик у евреев была переименована Адрианом в провинцию Палестина.

Во-вторых, размер картины. Ее масштаб слишком велик. Еврейский мир I века не укладывается в пространственные рамки Римской империи. За ее пределами еврейские общины существовали на территории Междуречья, на самых южных границах Египта, на Кавказе. Все эти рассеянные по миру общины старались преодолевать изоляцию. Они поддерживали связи, обменивались письмами и товарами, общались во время встреч и деловых контактов. Все это способствовало сохранению национальной самоидентичности.

Паломничество

Но очень важной, одной из уникальных практик сыновей Израиля был многовековой институт периодических собраний. Конечно, они имели характер религиозных паломничеств. Их целью являлся Иерусалимский храм, участие в праздничном жертвоприношении и богослужении. Но одновременно это и ежегодная генеральная ассамблея всего народа.

Очевидно, что не всякий мог регулярно совершать подобное восхождение (по-еврейски «идти

в Иерусалим» — это всегда «подниматься»). Но память о пережитом оставляла глубокий след. Подобно тому, как сегодня хадж в Мекку у мусульман воспринимается в качестве центрального события.

Обычно крестьянин редко покидает свое хозяйство. Но в Израиле дело обстояло иначе. С определенной периодичностью он должен был отрываться от земли. *Приближалась Пасха... и многие со всей страны пришли в Иерусалим...* (Ин. 11: 55). Люди, которые в большинстве своем занимались сельским трудом, поднимают голову, оставляют работу и пускаются в путь. Это путешествие могло длиться несколько дней. Неделю в один конец и неделю обратно. После сезона дождей, непосредственно перед Пасхой, специальные храмовые службы инспектировали состояние дорог и при необходимости приводили их в порядок.

В движение к Храму вовлечены большие толпы. На дорогах люди объединяются в группы. В караваны. У них есть возможность увидеть свою страну, где многие места напоминают о событиях библейской истории. Паломники узнают друг друга. Общаются, знакомятся, «завязывают дружеские контакты с людьми, которых доселе не знали» (Филон Александрийский. О подробностях законов, 1, 69), делятся историями и новостями прошедшего года. Это сплачивает. Они вместе идут, вместе едят, вместе поют. Один из таких сборников коротких паломнических песен (так называемые Песни восхождения) был включен в Книгу псалмов.

Эти песни позволяют почувствовать эмоциональный подъем, который царил среди паломников: